

ОПОЛЗАЮЩАЯ ГЛЫБА*

МАРИНА ЦВЕТАЕВА И НИКОЛАЙ ГРОНСКИЙ
(1928–1930)

А.А.Саакянц

Потянулся 1928 год. Вероятно, теперь Марина Ивановна могла бы сказать о себе словами русской песни: “Мне некого больше любить”. Пастернак был далекой мечтой, Рильке и о Рильке она уже все сказала. Семья, обожаемый сын? Но надо ли повторять ее слова о том, что это — совсем другая любовь?

Нужно было просто жить, — и она попыталась жить. Праздновали “русское” Рождество. Вот-вот должна была печататься книга “После России”, для чего требовалось позаботиться о подписке на нее: разослать подписчикам бланки, чтобы те отослали их издателю, приложив соответствующую сумму — так окупалось издание...

160

В январе Цветаева попыталась вернуться к поэме “Егорушка”, брошенной еще в России; весь февраль проработала над главой “Соколиная слободка”. Но в ком из живых (непременно живых!) могла она черпать вдохновение, свой “тайный жар” для создания образа русского богатыря? И опять работа над поэмой была оставлена, на этот раз — окончательно.

А на пороге уже стоял новый герой. Так сказать — *post-factum*, герой, который уже был “написан”, — хотя Цветаева, когда работала над трагедией “Федра” (окончила ее в прошлом году!), о том сама не ведала. Но ведь поэты — пророки, и встречу ее с героем уже написанной вещи Цветаева “наколдовала”. В ее жизнь пришел Ипполит...

“Медон, 4-го февраля 1928 г., суббота.

Милый Николай Павлович,

Чтение Федры будет в четверг, в Кламаре, у знакомых. Приходите в 7 ч., поужинаем вместе и отправимся в Кламар пешком. Дорогой расскажу Вам кто и что.

Лучше не опаздывайте, может быть будет дождь и придется ехать поездом, а поезда редки. До свидания.

МЦ.”

Николаю Павловичу Гронскому летом должно было исполниться 19 лет. Цветаева уже некоторое время была знакома с ним. Отец его — в прошлом приват-доцент Петербургского Университета, работал в редакции газеты “Последние новости”, мать была скульптором. Во Франции семья находилась уже восемь лет. Прошлой весной Николай окончил русскую среднюю школу в Париже и учился на юридическом факультете. Писал стихи.

Встречи с этим человеком в течение по меньшей мере трех лет скрашивали жизнь Марины Ивановны. Он мог бы по возрасту, быть ее сыном. А “сыновья” всегда вызывали отклики в ее душе. Он был рядом — так что не понадобилось его “выдумывать”, взваливать на него непосильное бремя: мечты и разочарования, — как всегда было у поэта Цветаевой. Он

* По техническим причинам в статье не проставлены диакритические знаки.

был безотказен и надежен со своим “старинным” отношением к женщине, да еще годившейся ему в матери, да еще и поэту.

Он соответствовал цветаевской формуле: друг есть действие. Он исполнял множество поручений — а просьбы Марины Ивановны не иссякали за все время их знакомства. Сохранилось множество записок — открытых и “закрыток”, не посланных по почте, а переданных через кого-нибудь; жили недалеко друг от друга в пригородах Парижа, переходивших один в другой. Вот некоторые из этих записок, с самыми неожиданными и различными просьбами; многие не датированы; написаны же они в 1928–1931 гг.; приводим их вне хронологии, во всем их разнообразии, порой — неожиданности.

“Милый Николай Павлович,
Очень жаль, что меня не застали.

Хотела сговориться с Вами насчет Версаля и даты. М<ожет> б<ыть>у нас временно будет одна старушка, тогда я буду более свободна, и мы сможем с Вами походить пешком, — предмет моей вечной тоски. Я чудный ходок.

Еще очень хочу, чтобы Вы меня научили снимать: С.Я. сейчас занят до поздней ночи, совести не хватает приставать к нему с аппаратом, да еще в 1 ч. ночи! а Мур растет.

И пластинки заряжены. Приходите как только сможете. Часы: до 2¹/₂ ч. или же после 5 ч. Вечерами я иногда отсутствую. Побеседовали бы о прозе Пастернака и сговорились бы о поездке и снимании.

Итак, жду.

МЦ”.

(Это написано в апреле 1928 г.; Марина Ивановна увлекалась тогда фотографированием; в ее архиве сохранилось множество любительских снимков, сделанных ею, а также ее молодым другом.)

Еще записка: написана на следующий день после приведенной выше:

“Медон, 2-го апреля 1928 г., понедельник.

— Завтра я уйду в 5 ч., если успеете зайдите утром, т.е. до 2¹/₂ч. Или уж в среду.

P.S. Как-нибудь расскажу Вам и о Вас. Когда (и если) будет старушка. Такой рассказ требует спокойного часа. Лучше всего на воле, на равных правах с деревьями.

Так — а может быть и что — Вам скажу, Вам никто не скажет. Родные не умеют, чужие не смеют. Но не напоминайте: само, в свой час.

<Приписка на полях>: Я не была ни в Fontaine bleau, ни в Мальмазоне — нигде. Очень хочу.” “Милый Николай Павлович! Вы мне очень и срочно нужны. Я дома от 12 ч. до 2¹/₂ ч. и вечером от 5 ч. до 7 ч. Дело важное.

Привет.

МЦ.

Вторник Если не спите и дома — скажите Але, когда будете.”

“Милый Николай Павлович! Можете ли Вы завтра утром проехать со мной в чешское консульство, срочно необходимо, боюсь, что и так опоздала. А вторая просьба: узнать, где это консульство (кажется, что Av. Kleber, но только кажется, и N не знаю). Именно консульство (Consulat tchecque), а не посольство. Ответьте, пожалуйста, через Алю...”

Еще:

“Дорогой Николай Павлович, Если будете нынче в городе, не могли бы завезти Гончаровой следующую записку, — крайне нужно. (Либо 13, Visconti, либо 16, Tascques Callot, — вернее первое). В крайнем случае воткните в дверь мастерской, а в лучшем (случае) привезите мне ответ...”

“Милый Николай Павлович, С<ергей> Я<ковлевич> очень Вас просит обменять ему книги в библиотеке, вместо 4 книг взять 3 (там знают). Взять последние NN сов<етских> журн<алов> — Красная Новь, Кр<асная> Звезда, Печать и Рев<олюция>. Мне, пожалуйста, обменяйте

Лескова на Лескова же (не Соборяне) — или — Мельникова-Печерского. Я вечером (к 9 час.) часто дома — м.б. сегодня зайдете? Завтра меня не будет. — Когда Волконский? Всего лучшего.

МЦ”.

Еще записка, написанная карандашом, с торопливой припиской: “— прошу ответа —”:

“Милый Николай Павлович, большая просьба, у нас беда с водой: ванна заткнута, а горячий кран в умывальнике не закрывается, чорт знает что.

С.Я. болен четвертый день, не встает и починить не может, кроме того нет отвертки.

Не зашли бы Вы с инструментами (если есть) сразу после завтрака (завтракать не зову, ибо обнищали), после которого мне нужно в город — м.б. поедем вместе? Если можно — ответьте через Алю. Всего лучшего, простите за беспокойство.

МЦ”.

И такая:

“Милый Н.П. Большая просьба. 28-го июня, т.е. на днях, в нашей квартире будет трубочист, необходимо, чтобы кто-н<и>б<удь> был в ней с 8 ч. утра. Если можно — переночуйте, чтобы не опоздать. Печка у нас в ужасном виде, прочистить необходимо, а звать отдельно осенью будет дорого, да и не дозовешься. Ключ у Али, т.е. у прислуги Жанны — 18 bis, Rue Denfert-Rochereau кв. Лебедевых. Можете взять в любое время. Потом оставьте у себя до от”езда, кому передать — извещу.

У нас все грозы, но теперь по ночам, а дни чудные. Палочку пришлю недели через 2, возьмете в Медоне, адрес сообщу. Выберу покрепче. Как Ваши экз? Напишите словечко. Привет и спасибо заранее за трубочиста: 28-го июня 8 ч. утра. Если увидите С.М. — горячий от меня привет.

МЦ.

Числа не знаю, знаю что нынче — понедельник.”

“Милый Николай Павлович! Большая просьба: у меня есть надежда издать Перекоп отдельной книжкой, но для этого необходимо переписать его на машинке. — 1000 строк. — Отдельного беловика, с которого бы можно было переписывать, у меня нет, пришлось бы с голосу, т.е. мне — диктовать. Думаю, если бы по 100 строк (коротеньких) в день — справились бы дней в десять. Вы же знаете мою строку — короткую.

Ответьте пожалуйста — можете ли? Обращалась в контору, но безумные цены.

Если да нужно было бы приступить сразу. Всего лучшего.

МЦ.

Утром я почти всегда свободна, но об этом сговорились бы потом. Если да, сообщите свои более или менее свободные часы: утро? arges-midi? вечер? Я очень связана отъездами в город С.Я. и Али, но выкроить бы можно было.”

“Милый Н.П. ”Перекоп” более или менее готов. Когда Вы можете ко мне придти печатать? Мое самое удобное время 5 ч. Если дома — ответьте.

Привет.

МЦ.

Вторник. Нет ли у Вас хоть немножко свободных денег? Мы погибаем. Все ресурсы разом прекратились, а Новая газета статьи не взяла.”

Цветаева “дарила” своему юному другу самое ценное: своих замечательных друзей; она все время поднимала его до своего уровня, верила в его силы. И почти всегда (во всяком случае, в письмах и записках) обращалась к нему на “Вы”.

Что означало это “Вы” — девятнадцатилетнему Гронскому — при ее “ты” Бальмонту, Пастернаку и даже Рильке? Быть может, Гронский виделся Марине Ивановне неким рыцарственным юношей, — как некогда, в далекой голодной Москве молодой актер Владимир Алексеев. А может быть, этим “Вы” она возвращала и вырослила молодого поэта...

Как вообще передать ту сложнейшую гамму, тот причудливый спектр, — все то, что соединяло в себе чувство, испытываемое старшей: женщиной—

поэтом — к юноше, тоже поэту? Вероятно, доминирующей все же была материнская любовь; — перефразировав слова цветаевского стихотворения — “сновидящее материнство”, которое прозревает “в выкормыше — Рим” (“римская волчица”).

Было тут и товарищество, нужда в помощи и в поддержке младшего, сильного, — вне всего прочего. И совсем просто: через Николая Гронского Цветаева передавала в газету “Последние новости” свои стихи. “Со стихами, если увидите, что данные долго не печатают, — наказывала она, — давайте другие, но по одному за раз, чтобы не было возможности выбора”. В другом письме:

“Передали ли стихи для “Последних новостей”?” И еще: “Попросите П.П. <отца Н.Гронского. — А.С.>... достать гонорар из Последних новостей, как мал бы он ни был...” “...надеюсь достать из Праги мои “Юношеские стихи” (1913–1916) — нигде не напечатанные, целая залежь... Прокормлюсь ими в Последних Новостях с год, если не больше...Завтра, или в субботу, занесу стихи для Последних Новостей”. И т.д.

Со стихами было сложно: в “Последних новостях” брали ранние — юношеские и чуть более поздние. Вышла книга “После России” — стихи 1922–1925 гг. А дальше стихи уже почти и не писались, лирику сменили большие формы. Цветаева переписывала набело свою “Федру”, готовя ее к печати в журнале “Современные записки”.

“26-го июля 1928 г. Милый друг, вот что случилось. Только-что отослала конец Федры по адресу 9 bis, rue Vineuse Paris, XVI Red de “Sowremennie Zapisky”, — а это адрес “Дней”, а “Дни” издохли и наверное в них нет ни души. Позвоните, пож., в “Дни”, если ничего не добьетесь — пойдите сами и извлеките мою рукопись с тем, чтобы передать ее в книжный магаз. “La Source”, где настоящая редакция Совр. зап. — А если в “Днях” никого нет? Сомневаюсь, так как Керенский жив, жив и Сухомлин, и наверное на имя газеты продолжает приходить корреспонденция.

Посылаю сопроводительное письмо в “Дни” с просьбой сдать Вам на руки рукопись (на обертке адрес отправителя).

С этим нужно спешить. Начните с телефона, чтобы зря не мотаться и не метаться.”

Эта открытка к Гронскому написана из Понтайяка (Руайян, Золотой берег); там, на побережье океана, удалось снять дешевую дачу. Приходилось считать каждый сантим: все было очень дорого. Тянулось монотонное, трудно переносимое Мариной Ивановной “пляжное” существование.

“Вот наш пляж. Сегодня на солнце 60 жары, у С. вроде солнечного удара, 38,5 сильная головная боль. То-же у В.А. С-чинской. Жара по всей Франции, — кончились лимоны, с орех — 2 фр., и то последние. Тупо едим мороженое, от к-го еще жарче.

Я от жары не страдаю, хожу без шляпы, в выгорающих до-бела сеточках. Ни одного дуновения, море вялое, едва дышит.

Приехал проф. Алексеев, неутомимый ходок. Приехал в горном костюме вроде Тартарэна, комичен и мил, восторженно рассказывает мне о Савоие (Haute) где жил прошлое лето. Уже живу мечтой о будущем: Савоие. Морем объелась и опилась.

Кончаю просьбой о срочном высвобождении Федры, я и так запоздала, боюсь затеряться совсем, а рукописи мне не восстановить, многое выправлялось на месте.

Как медонская жара? Здесь все-таки — пекло.

МЦ.”

Там, на берегу океана, Марина Ивановна вспоминала прогулки с Гронским по медонским лесам. Возникли строки:

Лес: сплошная маслбойня
Света: быстрое, рябое,
Бьющееся как Ваграм.

Погляди, как в час прибоя
Лес играет сам с собою!
Так и ты со мной играл.

И другое стихотворение: вырвавшийся из сердца вопль — иначе не назовешь — дружбы и благодарности; благодарности уходящего — пришедшему, старости — молодости:

Оползающая глыба,
Из последних сил спасибо
— Рвущееся — умолчу —
Дуба юному плечу
Издыхающая рыба,
Из последних сил спасибо
Близящемуся — прости! —
Сияющемуся спасти

Валу первого прилива...
Иссыхающая нива —
Божескому, нелюдску
Бури — чудному персту.
Как добры в час без спасенья
Силы первые — к последним!
Пока рот не пересох —
Спаси — боги! Спаси — Бог!

164 Под стихотворением дата: 3 сентября. А через два дня произошла небольшая размолвка, свидетельствующая о том, сколь все же сложны человеческие отношения, запутаны лабиринты их. Цветаева получила от Гронского недавно вышедшую в Париже книгу Райнера Мариа Рильке о Родене, — и одновременно дочь Цветаевой Аля получила от него же книгу (нам не удалось установить, к сожалению, какую именно) с надписью, которая показалась Марине Ивановне, по-видимому, бестактной, ибо в ней намекалось на то, что у Али нет "ангела". И вот, под влиянием, вернее, в порыве охвативших ее чувств, Цветаева пишет Гронскому письмо, словно забыв, что адресат — еще незрелый человек, не приняв в расчет его возраст, его личностный вес. Она во власти самого банального женского чувства: ревности, ревнуя молодого человека к Але, шестнадцатилетней расцветающей девушке, которая, естественно, более годится в друзья к Гронскому (он старше ее на три года). И в этом письме Марина Ивановна творит свой очередной роман.

"Понтайяк, 5-го сентября 1928 г., среда.

Милый друг, пишу Вам со смешанным чувством расстроганности и недоумения. Что за надпись на Алиной книге и что она должны означать?

Во-первых — у всякого человека есть ангел. Ариадна — не Октябрина, и празднуется 18-го сентября. Это формально. Второе: у Ариадны еще особая святая, по чьему имени и названа, — та Ариадна, с двух островов: Крита и Наксоса. (Говори я с другим, я бы настаивала только на христианской великомученице, но я говорю с Вами). В третьих: раскройте мою Психею, где нужно, и прочтите:

Ангел! ничего — все — знающий,
Плоть — былинкою довольная,
Ты отца напоминаешь мне, —
Тоже ангела и воина.

Здесь установлена Алина — более, чем ангело-имущество, а это — раз навсегда. Кто ангелом был, тот им и пребыл. В четвертых: Вы человеку дарите книгу на день рождения. Время ли (день рождения!) и место ли (первая страница такой книги!) считаться обидами?! — Вы поступили — но удерживаю слово, не хочу его закреплять на бумаге и — тем — в Вас. (О, не бойтесь, не бранное, простое определение жеста, иного нет.)

— Странная вещь: если бы везде, вместо Ариадна стояло: Марина, я бы истолковала совершенно иначе. Ты — родоначальница своего имени, — никаких Марин до тебя и — сотни, в честь твою, после. Так бы я прочла. Но Вы меня предупредили: надпись не из примирительных.

Скажите мне, дружок, в чистоте сердца, что Вы хотели сказать? С надписью в таком (моем) толковании во всяком случае не передам. Обида — в день рождения! За кого Вы меня принимаете? Помимо материнского чувства к Але, во мне здесь говорит простая справедливость. Я бы и Вам не передала, если бы написала — она. Через мои руки не должно идти ничего двусмысленного. А если настаиваете — перешлю Вам обратно, посылайте сами, — дело Ваше и ее.

Очень жду Вашего толкования, ибо задета за живое. Апулеем умилена. Знала эту сказку с детства, она была у меня в немецкой мифологии, как все в Революцию — утраченной. Не перечитывала давно. В памяти моей слилась с "Аленьким цветочком". Нынче ночью же прочту и буду спать с ней — в ладони.

Р. еще не трогала: посмотрела и отложила. Р. — всегда прямая речь ("а вчера — косвенная?") Р. для меня — всегда прямая речь. В этой книге его живой голос. Скульптура? Все равно. Для меня Родэн — его недостроенный дом, мы с Муром, мы с вами на тех холмах, — вся весна 1928 г. И — больше всего — посвящение Р. Родэну одной его книги: "A mon grand ami Rodin"***.

Дружок, как мне жалко, что мое чувство благодарности к Вам — двоятся. Как бы я хотела — писать Вам, как вчера! Но никакая любовь не может погасить во мне костра справедливости, в иные времена кончившегося бы — иным костром!

Мне очень больно делать Вам больно, больней — сейчас, чем Вам — тоже сейчас (в минуту прочтения). Но я бы себя презирала.

М."

Но случилось так, что в те самые дни в семье Гронских произошла драма: мать собиралась уходить от отца, — о чем юноша известил Марину Ивановну. Ее отклик был молниеносным и горячим; в ее письме слились все женские голоса — матери, сестры, подруги — просто женщины, которая прощается с молодостью, с любовью:

"Понтайяк, 7-го сентября 1928 г.

Колюшка родной!

Простите мне вчерашнее письмо, — но "за птенца дралась насадка" (еще Слоним обиделся за амазонку, не поняв, что в том-то и вся соль!) — не могу несправедливости. У меня не по-милу хорош, а по хорошему мил, особенно с тобой.

Только что твое письмо о перемещении матери. А ты где теперь будешь? Чуюло мое сердце, что на том веру я буду только раз! (бывший).

— Ты сберег мать от большого ужаса, но — может быть — и от большого счастья. Думал ли ты о последнем часе — в ней — женщины? Любить это иногда и — целовать. Не только "совпадать душою". Из-за сродства душ не уходят из дому, к душам не ревнуют, душа — дружба.

Но — ты дал ей чистую рану (того она, конечно, вознесет превыше облаков, и ТАМ — с ним будет!) — сейчас в ней огромная пустота несбывшегося, — заполнит работой.

Я рада за нее — и мне больно за нее. А боль всегда слышней радости.

— Когда ты когда-нибудь захочешь уйти из дому, тебя твой сын так же удержит, как ты — сейчас — мать. La justice des choses***.

О, Колюшка, такой уход гораздо сложнее, чем даже ты можешь понять. Может-быть ей с первого разу было плохо с твоим отцом (*не самозабвенно — плохо*) и она осталась, как 90 на 100 остаются — как будет оставаться 1 на 1000 — из стыда, из презрения к телу, из *высоты души*.

И вот — молодость кончается. Ей за-сорок, — еще 5 лет... И Другой. И мечта души — воплотиться, наконец! Жажда той себя, не мира идей, хаоса рук, губ. Жажда себя, тайной. Себя, последней. Себя, небывалой. Себя — сущей-ли? — "Другой"? Средство к самому себе, наш *слепой* двигатель. Посылаю тебе две книжки, ничего не скажу, скажи — ты. Дошел ли рыцарь? (Заказным, пропасть не может). Сейчас ухожу в Ройян, обрываю письмо, вечером буду писать еще, люблю и обнимаю тебя, спасибо за все.

М.

Чудесная печать. До чего мне ее жаль! Как себя. — Дай ей когда-нибудь мою Поэму конца. Все поймет! (напишет — изнутри — заново.)" Из-за семейной драмы Николай Гронский не

* Рильке

** Моему великому другу Родену (фр.).

*** Порядок вещей (фр.).

смог приехать к Цветаевой в Понтайяк, — о чем она мечтала. Мечта не осуществилась, но и не обманула. Не наступило разочарование, развенчание, — как бывало почти всегда. Гронский показывал Цветаевой свои стихи; она внимательно читала, разбирала их, оценивала. "... в Вас пока нет рабочей жилы, Вы неряшливы, довольствуетесь первым попавшимся... Для того, чтобы стать поэтом, Вам нужны две вещи: ВОЛЯ и ОПЫТ... Вам еще не из чего писать... Вы еще питаетесь внешним миром... Ваши стихи моложе Вас. Дорасти до самого себя и перерасти — вот ход поэта" (из августовских и сентябрьских писем).

Еще письмо:

"Медон, 5-го октября 1928 г., пятница.

Дорогой Николай Павлович,

я уже успела по Вас соскучиться. Лежу второй день, жар был и сплыл, но нога (прививка) деревянная, а когда не деревянная, то болит. Двигаться не могу, разве что на одной. Лежу в чудной розовой ночной рубашке — новой — подарке Али, жаль, что Вы меня в ней не увидите, — и не только в ней, — вообще лежащей, т.е. самой доброй и кроткой. Завтра вторая прививка, м.б. будет еще третья, во всяком случае встану не раньше вторника. Рука еще болит — видите, как пишу? Вчера у меня был в гостях Мобетсуес, просидел на сундуке до сумерок, говорили о Балтике (оттуда) и черной магии. Оказывается, мы оба под знаком Сатурна, все приметы совпадают. Очень радовался не-евразийской теме беседы (евразиец). А почему Вы тогда сказали: "После того, как я от Вас тогда ушел, мне уже было все равно — на людях или одному..." Вам было так хорошо? Или так плохо? Или так — к а к? Ответьте.

Вообще напишите мне — как здоровье, что делаете, что читаете, скучаете ли обо мне. Какая дикая жалость — такое совпадение! (болезней). Вы бы сидели у меня целый день или $\frac{1}{2}$ — или $\frac{1}{4}$ — сколько смогли бы и захотели. Нынче с утра налетела А.И.Андреева и забрала у меня Н.М. на два дня. Справляемся с Алей, вернее — справляется одна, я лежу и ничего ускорить не могу. Если придет Ваша мама, передам Вам через нее "подарочек". До свидания, родной, Вы мне снились, спрашивала Вас о том-же (вопрос посередине письма). Пишите про здоровье, как я была бы счастлива, если бы Вы сейчас вошли.

— Сидите дома. —

М."

Девятнадцатилетний поэт Николай Гронский был под безусловным влиянием Марины Ивановны; он, вероятно, любил ее, как может любить ученик великого учителя. Во всяком случае, об этом свидетельствуют некоторые его стихи, торжественные и чуть книжные, а из них — два, посвященные Цветаевой:

Отпер дверь я. — Два синих крыла.
Отступила на шаг и вошла.
"Друг, поверь, я... — и крыльями складки плаща.
"О, не в дверь я, — в жизнь твою я вошла.

И начало другого:

Из глубины морей поднявшееся имя,
Возлюбленное мной, как церковь на дне моря
С Тобою быть хочу во сне — на дне хранимым
В глубинных недрах Твоего простора...

Летом 1929 г. Гронский уехал в горы; он очень любил горы. "Поэт-альпинист", — скажет о нем Цветаева через несколько лет.

Она приветствовала его из Медона:

"Утешаюсь холодной погодой, человека сжимающей, обратно жару, выгоняющей его из кожи и из квартиры (что, впрочем, то-же!) — Пишите о своей жизни: ландшафтах, прогулках, знакомствах. Пришлите снимки, если есть." И прибавляла в конце: "Вы удивительный человек".

Гронский писал ей:

"Как я люблю горы руками, ногами и дыханием, видит Бог, но Медонский лес тоже моя жизнь, мой ход (и ходьба). Но горы, послушайте только: внизу юг (грецкий орех, тополь — для меня это Крым 1917-го года), повыше какие-то границы и Россия — север России: ель, береза

(без подделок береза) ольха и рожь и рябина и осина), а еще выше моя родина Финляндия: ель, ель, ель, вереск, вереск, вереск, камень, лишай, мох; а еще выше (тоже Россия, но та Россия гиперборейцев: скалы, лед, снег, а после — ничего — небо. (Виньи о горах: "trone des quatre saisons")* Горы — это моя самая старая отчизна, род мой из Карпат.

Allefont 2.VII.29

"Все мне здесь любо; и горы, и часовня на перекрестках, и встречные крестьяне. Allefont — это деревня красивых стариков. С двумя я подружился — старики падки на внимание молодежи. Рассказы: война 1870 года, или: "когда я был маленьким" (а рассказчику 84 года!), или: "pour se rendre invisible: vole un chat noir, a l'heure du minuit egorger le de la main gauche..."** (последний рассказ я записал дословно). Чтобы досказать про людей, прибавлю: я долго всматривался в лица старух, особенно же стариков, и не мог ничего понять — какие-то странные черты лиц — потом прочел в путеводителе, что: а л л о б р о г и, римляне, французы, итальянцы и саррацины (sic!) — вот предки здешних жителей. Про аллоброгов можно догадаться и по названию деревни: Allefont. Другие названия ставили меня сперва в тупик: Oz, Huez, — зная же теперь про саррацинов, понял все: и названия деревень и черты лиц. Хороша смесь?

Вот все про людей и деревни. Совершаю восхождения совершенно один. В "последней деревне" расспрашиваю, как да как идти дальше. — Вечный окрик вдогонку "et vous etes tout seul, tout seul comme ca?"*** Или встреча: "а, вы идете туда-то, а знаете, там двое разбились в прошлом году."

Когда буду снимать, пришло (хотя это и соблазн). А пока названия: pic de Belledonne ("где-нибудь рядом — вход в ад" — вот первая мысль, когда увидел), pic de l'Etandard, rochers des Passions****, "4 дома" и "Семь мест". Реки: Romanche, Sonnaut***** (про дьяволов и не пишу — так много).

Вспоминаю Россию (ее же помню — но это другое): ели, рожь, кошкины лапки — такие цветы.

Но есть много и не русского. — Однажды я принес цветы, лилии пламенного цвета, с запахом мощей святых (мысленно называю по запаху: essence baudelairienne)***** и вот мой хозяин говорит (а ему за 70), что он не только никогда не видел, но и не слышал ничего об этих цветах. — "Ah, que se sent mauvais Mr, Nicolas" это он понюхав, а я "mais non Mr Mauin, c'est un peu rouggi, mais ca sent tres bien"*****.

Множество фиалок, земляники, смолы (смолу ем, как землянику) — только все надо найти. Многие озера еще подо льдом. Ем снег."

Цветаева — Гронскому:

"Meudon (S.et O.)

2, Av. Jeanne d'Arc

7-го июля 1929 г.

Милый Николай Павлович!

Очень возможно, что мы с Вами скоро свидимся. В С. Мишеле (немножко над) есть дом — очень дешевый — с двумя кроватями и столами. Дело в стульях и в тюфяках, первые можно осуществить ящиками, вторые — соломой (NB! б л о х и!!!) Часть скарба придется везти отсюда (посочувствуйте!) остальное купить в С. Мишеле на базаре (NB! и тащить на себе в гору — 20 мин. или больше). Жду окончательного ответа от русского полковника — рабочего, который там живет уже третий год. С.Мишель — густо-лесной, римская дорога и развалины. Жители старые и в старом.

Узнайте на всякий случай сколько туда (и обратно) дорога от Вас, м.б. я попросила бы Вас побывать там до нашего приезда и встретить. И немножко устроить (ящики, напр., ибо таскать придется мне одной: Аля — с Муром, а полковник на заводе) — испытать плитку, м.б. купить кое-что из хозяйственного. Напишите 1) цену ж.д. 2) возможно ли это в идее, т.е. пожертвовали ли бы Вы 2-3 днями блаженства в Аллемоне на муку в С.Мишеле. М.б. и не придется. М.б.

* престол четырех времен года (фр.).

** Чтобы стать невидимым: похитите черную кошку, в полуночный час перережьте ей горло левой рукой (фр.).

*** "Вы что, совсем один, как есть один?" (фр.)

**** Пик знамени, скалы Страстей (фр.).

***** Звонкая, Колокольная (фр.)

***** Бодлеровская сущность (эссенция) (фр.).

***** "Ах, как дурно они пахнут, г-н Николай"... "Ах нет, г-н Мозн, они слегка завяли, но пахнут прекрасно" (фр.).

дорога настолько дорога — я ведь не представляю себе расстояний, — мой путеводитель Вы увезли. На мой запрос ответьте скорее.

Второе — важное. Какова — нормально — (на не-норму нормы нет! погода в августе и в сентябре? Стоит ли вообще ехать? Меньше чем на два месяца не имеет смысла, а выедем мы к концу июля, — не раньше 20-го, т.е. в расчете на август и сентябрь. Спросите у своего хозяина — есть ли смысл, т.е. не попадем ли мы в стужу. Но Вы ведь тоже будете до конца сентября?

— Есть (будут) ли грибы? Черника? С.Мишель — сплошь лесной, преувеличенная Чехия. Расспросите о С.Мишеле Вашего M.Marin, м.б. он был или знает.

Итак 1) что Вы думаете о предварительной поездке туда (не забудьте цену поезда, деньги вышлю как только решу если решу) 2) норма ранне-осенней погоды.

У нас поздне-осенняя: ветер, тучи, ни дня без дождя, полная ненадежность. Жары — и в помине.

— Служит ли Вам моя палочка? Очень хотелось бы с Вами полазить.

До свидания — может быть скорого.

МЦ.

P.S. Наш дом среди десятка таких-же, — не тот страшный, одинокий за 60 фр.

Пришлите мне какие-нб виды Аллемона, обожаю горы. Сердечный привет от всего семейства.”

С дачей ничего не вышло, но вскоре появился новый вариант, в тех же горах под Сен-Мишелем. И вновь Цветаева призывает на помощь своего молодого друга:

“Дорогой Николай Павлович!

Спасибо. Дела таковы: мне предлагают дом — дешевый — и в горах. Предлагает человек бесхозяйный — военный — рабочий, м.б. не знающий всех трудностей, связанных с семьей и оседлостью. Свободен он раз в неделю, времени на подробности у него нет. Ехать вслепую — боюсь.

Что за дом? Возможный или нет? Кто соседи (группа в 10-12 домов над С.Мишелем) и что у них наверняка можно достать? (Молоко, яйца, зелень). Есть кафе, — есть ли в нем табак и спички?

В (На) каком точно расстоянии от С.Мишеля? Сколько ходу? Полковник писал о 2 кроватях и столах (одну “пару” дает он, другую — хозяйин). Реальность ли? Можно ли в С.Мишеле купить ящики — вместо стульев и полок? Ведь нельзя же жить на полу, — я все-таки надеюсь заниматься.

Приеду я по всей вероятности одна с детьми, — все будет на мне. — Как с водой? (есть ли колодец?) Боюсь заехать.

По моему, самое лучшее было бы сев на поезд (проще! погулять мы с Вами успеем) доехать до С.Мишеля, познакомиться с полковником и сообща все обдумать — он очень милый человек. Вместе осмотреть дом и взвесить. М.б. — если такая гора (устройство!) — заслонит все горы и — просто — не стоит. А м.б. только издалека так страшно. У полковника нет времени и у него другой строй жизни, он не может войти в мое положение. Вы — можете ибо живете семьей и знаете, что это значит.

Решите за меня и опишите. Действует ли плита? (на случай порчи примуса). Чем топят? Очень важно расстояние от С.Мишеля: придется неустанно таскать тяжести — продовольствие, керосин — учтите. Сильно ли в гору и сколько ходу?

Кто соседи? Где живет хозяйин? (Большая ли семья и нет ли ведьм — о, не киевских! — бытовых).

Мое письмо возьмите с собой.

— Каков С.Мишель? Аптека? Лавки? (Красота — потом. На том (свете!))

Будь я Вами, я бы списалась с полковником, когда он свободен, и проехала бы прямо к нему. После осмотра — отписала бы мне, в освещении собственного впечатления (NB! живой Волконский). Я бы решила, и тогда мы оба принялись бы действовать: я выслала бы Вам деньги на самонужнейшее обзаведение и Вы бы нас, в означенный день, встретили.

Все это очень трудно, но может выйти и чудно, — Вы бы к нам наезжали, гуляли бы вместе, и т.д. Странно: прошлым летом Вы ко мне (сорвалось!) теперь я — к Вам — и м.б. не сорвется.

Адр. полковника:

M.Georges Gaganidze Usine de la Saussay St.

Michel-de-Maugienne (Savoie) Георгий Романович Гаганидзе.

Посылаю Вам его письмо — вчитайтесь. Напишите ему, что Вы по моему поручению и т.д. хотели бы осмотреть дом. Пусть он Вам назначит день и сообщит свой домашний адрес.

Пока всего лучшего, спасибо, буду ждать вестей.

МЦ.

P.S. Если он свободен только в воскресенье — в это (нынче пятница) Вы уже не поспеете, а ждать следующего — долго. Вы могли бы с ним повидаться вечером после его службы, переночевать у него (если возможно) и утром отправиться самостоятельно — *de la part de 14. Gaganidze pour une famille russe* и т.д. Так лучше, а то я к 1-му августу и не соберусь. Напишите об этом Гаганидзе, т.е. можно ли у него переночевать и приведите доводы. Я ему о Вашем возможном посещении пишу нынче же.

— М.б. у него за это время что-нб другое наладилось, более удобное, — тоже не исключается.

МЦ.

Очень хочу в горы."

Но и этот план сорвался, мечта опять не осуществилась. Цветаева осталась в Медоне.

Следующим летом (в 1930 г.) Гронский опять был в горах и писал Марине Ивановне:

"Когда я жил прошлое лето в горах (первый месяц совсем один) — говорил сам с собой по русски, громко читал Ваши стихи в горных цирках и слушал — иногда ш е с т и к р а т н о е — эхо, я и не подозревал какие Иерихоны у меня в горле, а вчера узнал. Сила моего голоса превосходит силу аплодисментов ста человек — покрывает".

Письма Гронского к Цветаевой (отрывки из них она впоследствии вставит в свою статью о нем) еще красноречивее, нежели стихи, говорят об ее огромном влиянии на молодого поэта...

В июле 1930 г. Цветаева с сыном уехали надолго — до 9 октября — в Савойю (Сен-Лоран). Неподалеку, в замке Арсин — в санатории уже несколько месяцев лечился Сергей Эфрон. Цветаева очень любила "Серезин замок", да и вообще окрестности, где совершала пешие прогулки. Она посылала Гронскому открытки с видами. На одной писала:

"С.Лоран, 10-го июля 1930 г.

...А это — *La Roche-sur-Foron*, чудесный городок, куда ездим на рынок, вернее — ходим. А сегодня за нами увязалась собака (моя, благоприобретенная: *chien-berger-quatre-yeux*) и пришлось — так как обратно из-за груза ехали поездом — платить за нее 5 фр. 50 коп., т.е. вчетверо дороже, чем за человека.

Вчера ходили с хозяйкой (пришла из города за земляникой) и набрали — ходили мы с Тасей — каждая по литру. 2 часа сбора. Места самые змеиные, ноги и руки изодраны в кровь, но ни одного змеиного хвоста не видали."

На второй открытке:

"Мимо этого замку ходим каждый раз, — не знаю какого века, жил кардинал. (Мур, зараженный древностью: — "Мама! Когда Томми родился?" Томми — лошадь хозяев Серезинского замка, возящая и отвозящая "*les hotes*", к тому-же пашущая).

Здесь три замка: Серезин, рядом — другой — *Comte de Chambos* и кардинальский. Все — разные. Замки и избы, домов меньше всего, медонского образца совсем нет, — как будто не строят. Нашему дому ровно 100 лет, еще застал Гете."

Июльские послания Цветаевой Гронскому — летопись ее жизни в Савойе. Вот еще письмо — на двух видовых открытках:

St. Pierre — de Rumilly (Hte Savoie) Chateau d'Arcine "26-го июля 1930 г.

Дорогой Н.П.

Спасибо за все. Простите, что не писала раньше: болен Мур — вот уже почти месяц. Свалился в ручей и, хотя тотчас-же был извлечен и высушен, застудил себе весь *bas-ventre*, — вроде воспаления пузыря. Д-р сначала подумал, что — нервное, прописал бром, бром не помог, тогда прописал ежедневные (даже 2 раза в день) горячие ванны, приволокли за 12 кил. цинковую бадью — и с третьей ванны — простуда. Лежит в постели уже неделю, на строгой диете, очень похудел. Я никуда не выхожу и нигде еще не была, ни в Аппесу ни в Аixin ни в Chamonix (куда мне совсем не хочется, хочется в Аппесу — из-за Руссо, к-го я только-что кончила).

Болезнь Мура затяжная — когда-то вылезет? Условия для лечения (лежания) невозможные: холод, льет, топить нечем. Погода ужасающая, злостный ноябрь. Дела полны руки, у нас на пансионе Извольская, нужно хорошо кормить, в деревне ничего кроме молока, хлеба и сыра — нет, бегаем в La-Roche — 12 кил aller-et-retour, времени на писание (даже писем) совсем нет. Один примус вообще угас, другой ежеминутно заливается нефтяными фонтанами. Целый день отмываю копоть с кастрюль, — с рук уже не стоит.

Все простужены. Вот тебе и горы! С.Я. нечем доплачивать за пансион (Кр.Крест дает 500 фр., нужно еще 500 фр., 2 раза доплачивала я, но иссякла).

Вот наши невеселые дела. Эта дорога рядом с Chateau d'Arcine, внизу шумит зелено-черный Борн, высота страшная. Напишите о себе, своем лете, всем. Занимаетесь ли? Куда и когда едете? Как погода? Как здоровье Ваше и Нины Николаевны? Поцелуйте ее за меня."

И, наконец, еще одно письмо из Савойи:

"5-го авг. 1930 г.

Дорогой Николай Павлович!

Сердечное спасибо за чудный подарок, — держа в руке долго гадала: что? И оказалось — самое нужное и приятное.

Идея: почему бы Вам не проехать в С.Лоран? Ночевали бы на сеновале, где часто ночует С.Я., засидевшись до срока закрытия замка. Сеновал чудный, свод как у храма. Из Гренобля в С.Лоран совсем недалеко, С.Я. дважды ездил к Афонасову. Могли бы, при Вашей любви к ходьбе, полдороги сделать в вагоне, остальное пешком. — Seriously. — Буду Вам очень, очень рада, проедем вместе в Аппесу, на дивное озеро. Повидаете снежные горы (Chamonix, Mer de Glace) Все это осуществимо, и — странно, что Вам самому не пришло в голову. Погостили бы недельку. С голоду бы не умерли, еда простая, но много, и готовлю я, как Вы знаете, на целую артель ("на мало — не стоит труда!")

Словом — жду. Помните, в Понтайяке не удалось, пусть удастся сейчас. Пойдем компанией в ночевку на Mole (высшая гора по близости, 2 тыс. 500, С.Я. с Алей были, там цветы с кулак, и любимая Вами "область скал". Вверх — 5 ч., вниз — 7 ч.)

Никаких отговорок, мы сейчас соседи, вообразите, что Вы в Bellevue, а я в Медоне. Не сможете на неделю — на три дня. Отвечайте тотчас-же: во-первых да, во-вторых — когда. Мы с Вами столько лазили по холмам, что не грех разок и на гору.

До свидания (скорого). Предупредите заранее, п.ч. может статься, что получу днем позже — из-за осложнения с почтой. Узнайте час прихода поезда, встретим.

Итак — — — —

МЦ.

(На полях:) Угощу Вас чудным малиновым вареньем: еще горячее! Собирали Аля и Наталья Николаевна. Никаких доводов не принимаю."

В 1931 г. общение Цветаевой и Гронского делается реже; в 1932 г. Гронский оканчивает факультет русской литературы и языка в парижском университете (куда перешел с юридического факультета с дипломом бакалавра); затем он поступил в Брюссельский университет, на третий курс факультета философии и литературы. Сдал экзамены, перешел на четвертый курс. Конец 1933 и весь 1934 г. он писал работу о Державине. У него шла собственная жизнь, полная сосредоточенных занятий. Он продолжал писать стихи, но почти не печатал их. Дружба с Цветаевой остыла, вернее, пришла к закономерному финалу, без разочарований и ссор.

...21 ноября 1934 г. Николай Павлович Гронский трагически погиб: на пересадке станции парижского метро "Пастер" он был сбит проходившим поездом и, не приходя в сознание, скончался в госпитале.

"Удар, заглушенный годами забвенья, годами незнанья", — писала Цветаева в посмертных стихах Гронскому. Ее "посмертные подарки" молодому поэту: цикл стихов "Надгробие", рецензия на его книгу стихов, статья "Поэт-альпинист" являют собой дань любви и благодарности человеку, который сумел "подставить плечо" и не обманул ожиданий той, что требовала от людей их человеческого максимума*.

* Тексты писем печатаются по копиям, сверенным с оригиналами, хранящимися в архиве ЦГАЛИ.